RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 23

St. Petersburg
2020

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 23

Санкт-Петербург
2020

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 23. 212 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2020.
No. 23. 212 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (зам. гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 23 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические раз­работки, основанные на материалах археологических исследований памятников эпохи энеолита и бронзы Средней Азии и Среднего Востока (статьи Н. Ф. Соловьёвой и Е. К. Блохина, Л. Б. Кирчо, В. А. Алёшкина), эпохи бронзы Предкавказья (работы А. В. Кияшко и О. П. Ларенок, А. Г. и А. А. Кожедуб) и Средневековья (статья А. В. Курбатова). Представлены также новые данные о материалах эпохи бронзы и Средневековья, полученные в результате использования методов естественных наук (работы Н. И. Шишлиной с соавторами, М. Т. Кашубы с соавторами, А. Н. Егорькова). Ряд работ посвящен публикации новых археологических материалов античности, Средневековья и Нового времени (статьи Р. В. Тихонова, Ф. Ш. Аминова, К. В. Горлова и В. И. Кильдюшевского). С. В. Белецкий продолжает серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. В разделе «Из истории науки» представлены очерк Ю. Г. Кутимова по истории исследований А. М. Мандельштамом памятников Средней Азии и обзор зарубежной литературы XX в. по проблемам изучения «Сибирской Скифии» (А. В. Субботин). На материалах Научного архива ИИМК РАН воссозданы научная биография выдающегося отечественного архитектора и реставратора Н. М. Бачинского (Н. А. Лазаревская и М. В. Медведева) и эпизод работ А. Н. Карасёва, вероятно, связанный с проектом Таманской экспедиции А. А. Миллера (заметка Ю. А. Виноградова). В новом разделе «Перспективы развития археологии» публикуется статья В. Д. Нечаева с соавторами, посвященная анализу и оценке мирового опыта внедрения цифровых технологий в археологические исследования. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 23rd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains analytical works devoted to the materials of the Eneolithic and Bronze Age sites of the Middle East and Central Asia (papers by N. F. Solovyova with J. K. Blokhin, L. B. Kircho, V. A. Alekshin), Bronze Age sites of the Fore-Caucasus (works by A. V. Kiyashko with O. P. Larenok, A. G. and A. A. Kozhedub) and Medieval sites of East Europe (A. V. Kurbatov). N. I. Shishlina with coauthors, M. T. Kashuba with coauthors, and A. N. Egor'kov use methods of natural science to obtain new data on the Bronze Age and Medieval materials. Several papers present new archaeological materials dating from the Classical and Medieval periods and the Modern Era (R. V. Tikhonov, F. Sh. Aminov, K. V. Gorlov with V. I. Kildyushevsky). S. V. Beletsky continues his series of analytical publications dealing with Old Russian seals and princely symbols. The section “From the History of Science” consists of an essay on the history of A. M. Mandelshtam's expeditions in Central Asia (Yu. G. Kutimov) and an overview of foreign literature of the XX c. related to the study of “Siberian Scythia” (A. V. Subbotin). Based on the materials of the Scholarly Archive of IHMC RAS, N. A. Lazarevskaya and M. V. Medvedeva describe the research career of an outstanding architect and restorer N. M. Bachinsky, while Yu. A. Vinogradov uses the archive materials to reconstruct an episode of A. N. Karasev's works in the Caucasus. The new section “Future Prospects of Archaeology” contains a paper by V. D. Nechaev with coauthors devoted to the analysis and assessment of world experience of introduction of digital technologies in archaeological research. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

БИОРЕСУРСЫ В ДРЕВНОСТИ: О МЕСТЕ БОБРА В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ¹

А. В. КУРБАТОВ²

Ключевые слова: *Русь, кости, мех и шкуры бобра, амулеты.*

В работе рассмотрены письменные и археологические данные о мехе и шкурах бобров на Руси, интерпретация которых снимает замеченные противоречия и недосказанность в выводах историков. Собранные материалы по всем группам источников позволяют сделать выводы о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси, отличающиеся от мнения историков, которые подчеркивали исчезновение бобров на большей части Восточной Европы уже в древнерусский период. Они отмечали давнее значение охоты на бобров, мех которых высоко ценился. Можно присоединиться к заключениям археолога М. В. Фехнер и зоолога В. Н. Скалона, что на разных территориях население издавна принимало меры к сохранению популяции бобров. В Древней Руси подобная практика также имела давнюю традицию.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-119-131

Введение

Бобр — широко распространенный на Руси вид дикого животного семейства *Castor*, мех которого считался одним из самых ценных на протяжении всего средневековья. В Евразии это самое крупное животное из отряда грызунов. Известны два вида бобра — азиатский речной и европейский речной. Кроме того, в Северной Америке водится еще одна разновидность — канадский бобр (*C. canadensis*). Шкура бобра имеет плотную прочную кожную ткань и волосяной покров, состоящий из блестящих грубых остевых волос и очень густой шелковистой подпушки. При выделке ость выщипывают, а оставшийся пуховой покров приобретает красивый темно-каштановый цвет. Мех имеет природный окрас от светло-каштанового до темно-бурого, почти черного, и ценится за прочность, высокие теплозащитные свойства и красоту (Атрибуция... 1999: 197). Длительную традицию промысла бобров в Восточной Европе отражают связанные с ним устойчивая семантика и обряды у восточных славян (Гура 1995: 199–200).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Бобры издавна были объектом охотничьего промысла. Кости этого животного выявлены уже на памятниках эпохи неолита. Особенности обитания и размножения бобров (проживание на одном месте двух-трех поколений одного семейства, небольшая плодовитость самок — обычно 3–5 детенышей, достижение половой зрелости к трем годам) в сочетании с высокой ценностью меха, бобровой струи и мяса ставили его выживание в зависимость от интенсивности охотничьего промысла (Косинцев 2006: 21–33; Щипанов 2005: 629).

Источники

Изучать историю взаимодействия человека и бобра на разных этапах развития человеческих обществ помогают различные исторические документы и археологические находки. По данной теме имеются нарративные источники, летописные записи, сочинения географической направленности, берестяные грамоты, исторические предания и церковно-поучительные сочинения (Кочин 1937: 29). С XVIII в. появились и научные описания русских земель, где определенное место занимала оценка общего состояния природной среды, флоры и фауны (Кёппен 1902).

Меха бобров упомянуты в средневековых летописных сборниках, например, в Ипатьевской летописи под 1241 г.: «[1241]: И слышавъ Костянтинъ А(н)дреа грядуща на нъ, избеже ночью. Андреи же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разъграби гордые и тулы ихъ бобровые раздра и прилбичее ихъ вольчье и боръсуковые раздраны быша» (СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 254). Эту запись историки вспоминают наиболее часто в связи с упоминанием предметов воинского снаряжения — это *тулы* (колчаны), видимо, обшитые бобровыми шкурами, и *прилбицы* (часть боевого головного убора), обшитые волчьими и барсучьими шкурами.

В шести новгородских берестяных грамотах XI–XIII вв. упомянуты бобровые шкуры — это грамоты № 7, 420, 600, 647, 910, 1121 (Матехина 2008: 190–196; Арциховский, Янин 1978: 28; Янин, Зализняк 1986: 60–62; 2000: 19–21, 117–118; Янин и др. 2004: 102–103). Последняя была найдена в 2019 г. и содержала запись судебного разбора о краже 20 бобровых шкур.

Неоднократно меха бобров и других промысловых диких животных отмечали арабские писатели IX–X вв., оценивая состав предметов торговли населения Восточной Европы с арабскими странами, например ибн-Хордадбег (Заходер 1967: 29, 84–91, 161–163), Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси (Халидов 2001: 192) и другие. Для первой половины XII в. интересное сообщение оставил Абу Хамид ал-Гарнати, в том числе и легенду о бобрах (Путешествие... 1971: 31, 35).

Нередки упоминания меховых шкурок бобров и западными авторами. Например, Франческо Тьеполо посетил Москву в 1560 г. и написал в донесении следующее: «Чрезвычайно богата (эта) страна дикими животными, среди которых очень ценны соболи... бобры» (Иностранцы... 1991: 57).

Пространно описывал внутреннюю и внешнюю торговлю русских И. Ф. Кильбургер, посетивший Россию в составе шведского посольства в 1673–1674 гг. Он отметил, что бобры, выдры и хорьки принадлежат к товарам, которых сама Россия не имеет в достаточном количестве, но русские много торгуют в Европу бобровой шерсти, вычесываемой из бобров и предназначенной на женские шапки (Курц 1915: 118).

Среди других интересных источников по теме назовем наставление русским купцам, торгующим с Западной Европой, так называемую Торговую книгу, составленную между 1575 и 1610 гг. (Торговая книга 1851: 133), а также словарь-дневник англичанина Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. (Ларин 1959: 30–33, 35). Меха и шкуры бобра часто упоминались в русских хозяйственных документах XVI–XVII вв., где среди прочего назывались *околы хвостовые* и *деланные бобровые шкуры*. По возрасту животных шкуры делили на взрослых бобров, молодых особей — *кошлоков* и годовалых *ярицов* (СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 253; СПЛ XV–XVII вв. 2003: 48).

Эталоном в оценке русского производства и торговли кожами и мехами в XVI в. служит Новгород. На 1580-е гг. А. В. Арциховский насчитал в нем по писцовым книгам 5465 ремесленников и торговцев, в том числе 34 бобровника (Арциховский 1939: 3–15).

Археологические материалы

Здесь выделяется несколько групп источников. До недавнего времени выводы археологов о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси основывались исключительно на остеологических материалах. Уже на памятниках неолита встречены многочисленные кости бобра. М. В. Фехнер приводит в качестве примера стоянки в междуречье Волги и Оки, на которых костные остатки бобра составляли от 6,3 % до 13,9 % от всего объема находок (Фехнер 1989: 71).

Для эпохи великого переселения народов сводку опубликованных остеологических материалов широкого круга памятников Восточной Европы сделал М. М. Казанский (2010: 107–110). Ссылаясь на мнение исследователей, он отметил, что в Верхнем Прикамье охота носила «меховой» характер уже с ананьинского времени и вплоть до развитого средневековья. Куньи породы и бобр хорошо представлены на памятниках ананьинского и гляденовского этапов. Кости бобра составляли в раннее время 24,8 % и на более позднем этапе 36,4 % от всех костей диких животных. В Среднем Прикамье на Чужьяловском городище, памятнике мазунинской культуры III–V вв. н. э., кости бобра составляют 63,7 % костей всех диких животных.

Для эпохи средневековья остеологических данных собрано неизмеримо больше. Во многих работах подчеркивается, что в средневековой Руси и на сопредельных территориях Восточной Европы численность бобра резко падает, свидетельствуя об истреблении животных. Например, такие наблюдения опубликованы для городища Иднакар IX–XIII вв. на территории Удмуртии в Волжско-Камском регионе. На основе представительной выборки костей делается вывод, что в указанный период «изменилось возрастное соотношение животных. Объектом основной охоты стали сеголетки, составляющие 74,6 % от убитых бобров. Забивались особи даже в возрасте до 5 мес. Подобное прямое воздействие человека на бобра определило его постепенное хищническое истребление в Удмуртии уже к XVIII в.» (Богаткина 1995: 148).

Показательны и выводы тверского остеолога А. В. Зиновьева: «результаты археологических раскопок в Балтийском регионе и Европейской части России указывают на заметное сокращение численности бобра уже после второй половины XII века. Одно из последних достоверных упоминаний о местах промышленной

добычи бобров („бобровых гонах“) относится ко второй половине XVI в. С указанного времени кости бобра практически перестают встречаться в культурном слое» (Зиновьев, Кораблёв 2014: 302).

На средневековых поселениях Русского Севера находки костей бобра считаются признаком активного освоения пушных ресурсов с последней четверти I тыс. н. э. В последние годы получены археологические свидетельства роли бассейна р. Шексна как важного канала поступления пушнины и других продуктов промыслов. В частности, об этом свидетельствует клад дирхемов (864 г.), обнаруженный в Палькине на территории современного г. Череповец (Леонтьев 1986: 18). Пушной зверь в X–XI вв. на Шексне и ее притоках водился в изобилии. Многочисленные кости пушных животных, прежде всего бобра, обнаружены на шекснинских поселениях этого времени. Кости бобра составляют половину и более от всех костей диких животных на поселениях Луковец, Кривец, Октябрьский Мост (Кудряшов 2006: 126).

По археологическим материалам можно сделать вывод, что для населения отдельных мест охота на бобров была едва ли не постоянным занятием, как, например, для жителей Райковецкого городища (Гончаров 1950: 126). Об этом же свидетельствуют и результаты раскопок средневековых городов в Беларуси. Так, в Берестье кости бобра составляют от 3,0 до 16,6 %, в Полоцке — 12,7 %, в Лукомле — 15 %, в Минске — 7,7 %, в Клецке — 23,8 %, в Давид-Городке — 33,9 %, в Турове — 8 %. В то же время в Витебске кости бобра не выявлены (Щеглова 1969: 409; Лысенко 1985: 365). В Волковыске кости бобра составляют 13,0–23,7 % для разных слоев и объектов (Зверуго 1975: 93, табл. 13).

Особая группа материалов указывает на устойчивое сохранение культа бобра у населения разных регионов Восточной Европы в различные исторические эпохи. Так, известны ритуальные положения костей бобра на неолитическом поселении Володары в междуречье Оки и Волги, в составе ритуальногоклада в слое охры, рядом с горшком и кремневым ножом, а в ритуальном захоронении на той же стоянке находилась булава из локтевой кости бобра. Кремневые фигурки плывущих бобров найдены на неолитических стоянках Сахтыш I (возле Казани) и Памфилово (возле Перми), роговые фигурки плывущих бобров — на поселении X в. у с. Городище на Шексне, а также амулеты из резцов и астрагалов животного — на других средневековых памятниках (Фехнер 1989: 71–73). В работах Е. М. Колпакова, посвященных наскальным рисункам Беломорья эпохи каменного века и раннего металла, отмечены сцены охоты на бобров с лодок (Колпаков 2019: 46–47).

К этой группе предметов надо относить и так называемые глиняные медвежьи лапы из славянских курганов IX–XI вв. в Ярославском Поволжье, на которые одним из первых обратил внимание Н. Н. Воронин, связавший находки с распространением в регионе медвежьего культа (Воронин 1941: 162–166). В работах И. В. Дубова 1980-х гг. был проведен наиболее полный и детальный обзор элементов, связываемых автором с мерянским вкладом в погребальную обрядность и культуру Ярославских могильников. К ним были отнесены, в числе других, глиняные лапы и кольца, а также амулеты из клыков медведя и других животных и подвески из астрагалов бобра (Дубов 1982: 14–30; 1984).

Е. А. Рябинин, изучавший археологические культуры финно-угров, постепенно стал сомневаться в правильности атрибуции «медвежьих глиняных лап». В одной

из своих последних обобщающих работ по археологическим культурам финно-угорских народов средневековой Восточной Европы он обошел вопрос об изобразительных прототипах для изготовления «лап», в то же время отметив особую культовую роль бобра у белозерско-шекснинской веси (Рябинин 1997: 181).

Интерпретацию глиняных лап как муляжей лап бобра впервые отметила М. В. Фехнер (1989: 71 и сл.). К этому мнению присоединились Н. А. Макаров с соавторами и другие исследователи, обнаруживающие такие глиняные лапы в могильнике Шекшово в Суздальском Ополье. В настоящее время на территории Руси известны находки 113 глиняных лап и 56 глиняных колец из погребальных памятников (Макаров и др. 2017: 15–16).

В настоящее время тему средневековых амулетов из таранных костей и резцов бобра продолжает Е. А. Тянина на материалах из раскопок Новгорода, где такие предметы встречены на Троицком и Неревском раскопах, преимущественно в слоях второй половины X — первой половины XI в. (рис. 1, 1–7). Всего их выделено 23 экз., в число которых входит комплекс из девяти таранных костей бобра (Тянина 2011: 166–167). По мнению этого исследователя, в научной литературе господствует гипотеза о финно-угорской принадлежности такого типа амулетов, а также о связи их с людьми, занимавшимися бобровым промыслом. Последнее отражено в новгородских материалах, где находки костей бобра встречены в культурном слое второй половины X — первой половины XI в., что совпадает с датировками этого типа амулетов. По заключению Е. А. Тяниной, основная часть бобровых амулетов, вероятно, связана именно с промысловиками-бобровниками, а найденный на Троицком раскопе комплекс, по аналогии с погребениями, надо относить к финно-угорским древностям. Она также пишет, что в славянской этнографии образ бобра представлен слабо. По нашему мнению, такое суждение нельзя считать правомерным. Работы А. В. Гуры показывают широкое распространение народных представлений о бобрах в символике всех славянских народов, в основном связанной с брачными обрядами и эротикой (Гура 1995: 199–200; 1997).

В последнее время в археологических материалах выявлена новая группа источников. Это достаточно редкие изделия и обрезки из меха и кожи бобра, в том числе внешне выразительной фактуры хвоста бобра. Особенность данной кожи — ее большая плотность и жесткость, гладкая меряя и глубокие полукруглые вдавления по всей поверхности, образующие узор наподобие «рыбьей чешуи», где границы «чешуек» углублены в кожу и сохраняют острые края.

Сегодня известен ряд кожаных предметов из хвоста бобра в Новгороде: это ножи в раскопе на Ярославовом Дворище и изделия из «необычной» чешуйчатой кожи, найденные на Неревском и Кировском раскопах в слоях второй половины XII–XIII вв., а также в Новгородском кремле (Зубкова 2017: 167, 169, рис. 92, 3). Среди них представлены чехлы для ножей (рис. 1, 8, 9), «кусочек кожи» (рис. 1, 11), также, вероятно, фрагмент ножен, и два неопределенных изделия. В Старой Руссе отмечены трое подобных ножен (Матехина 2008: 191), в Тверском кремле найден один наперсток (рис. 1, 10 — Курбатов 2004: рис. 128, 2), а в Торжке на Климентовском-1 раскопе обнаружен обрезок неопределенной детали (рис. 1, 12 — Курбатов 2003: рис. 5, 8).

В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., относимых к культуре древних марийцев, достаточно часто встречаются кожаные кошельки лировидной формы (рис. 1, 13), сделанные из кожи хвоста бобра (Никитина 2013: рис. 1, 3).

Рис. 1. 1–7 — амулеты из костей бобра (Новгород): 1–4, 6, 7 — таранные кости, 5 — резец; 8, 9, 11 — ножны из хвоста бобра (Новгород: 8 — Неревский раскоп; 9 — Новгородский кремль); 10 — наперсток из кожи с хвоста бобра (Тверской кремль, 1993–1997 гг.); 12 — обрезок детали (?) с тиснением «чешуя» (Торжок, Климентовский-1 раскоп, 1994 г.); 13 — кожаная лировидная сумка-кошелек из хвоста бобра (Веселовский могильник, древние мари́йцы, погребение (?)); 14 — мешочек из меха бобра (Старая Ладога, Земляное городище, 2009 г., раскоп 3; фото А. В. Курбатова). 1–6 — по: Тянина 2011: рис. 2, 25–30; 7 — по: Тянина 2011: рис. 3, 1; 8 — по: Освоение Севера... 2017: № 108; 9 — по: Зубкова 2017: рис. 92, 3; 10 — по: Курбатов 2004: рис. 128, 2; 11 — по: Изюмова 1959: рис. 11, 13; 12 — по: Курбатов 2003: рис. 5, 8; 13 — по: Никитина 2013: рис. 1, 3

Fig. 1. 1–7 — amulets of beaver bones (Novgorod): 1–4, 6, 7 — astragali, 5 — incisor; 8–9, 11 — sheath made of beaver tail (Novgorod: 8 — Nerevsky excavation, 9 — Novgorod Kremlin); 10 — thimble made of beaver tail skin (Tver Kremlin, 1993–1997); 12 — detail (?) with scale-like impressions (Torzhok, Klimentovskiy-1 excavation, 1994); 13 — lyre-shaped leather bag made of beaver tail (Veselovskiy cemetery, ancient Mari, burial (?)); 14 — small bag of beaver fur (Staraya Ladoga, Zemlyanoe Gorodishche, 2009, excavation area 3; photo by A. V. Kurbatov). 1–6 — after Тянина 2011: fig. 2, 25–30; 7 — after Тянина 2011: fig. 3, 1; 8 — after Освоение Севера... 2017: № 108; 9 — after Зубкова 2017: fig. 92, 3; 10 — after Курбатов 2004: fig. 128, 2; 11 — after Изюмова 1959: fig. 11, 13; 12 — after Курбатов 2003: fig. 5, 8; 13 — after Никитина 2013: fig. 1, 3

Новые находки таких кошельков, или «поясных сумок», были рассмотрены в Рождественском могильнике в Пермском Приуралье (Крыласова 2012: 236 и сл.).

При изучении марийских памятников применен новый прием археологического источниковедения. Специальные анализы органических материалов, полученных из погребений Русенихинского и других могильников IX–XI вв., позволяют расширить наши представления о конкретных действиях и обычаях в погребальной обрядности древних марийцев. Образцы меха от одежды и подстилок были проанализированы зоологом Марийского ГУ В. И. Дроботом и криминалистом Н. С. Курочкиным. Для анализа взято 13 образцов из трех погребений и жертвенного комплекса Русенихинского могильника. Образцы изученных волос имеют диагностические признаки, характерные для волосяного покрова бобра (*Castor fiber*). Такому же анализу подверглись фрагменты меха и других марийских могильников — Нижняя стрелка на левобережье Волги и Черемисское кладбище в верховьях Ветлуги. Там также были определены остатки бобровых шкур (меха). Это обстоятельство дает новые уточнения для погребального обряда и раскрывает значение и место бобра в духовной культуре средневековых марийцев (Никитина 2013: 157).

Уникальная находка происходит из раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге, из слоев второй половины IX — начала X в.: это меховой мешочек с завязкой (рис. 1, 14), затянутой узлом на устье, размерами (в сложенном виде) 12,5 × 6,0 см (Курбатов 2015: 57). Он сшит из меха бобра с жестким и длинным остевым волосом бурого цвета. Концы завязки шириной 2,5 мм, выступающие на 5 см, затянуты неправильным прямым узлом (в терминологии морского дела, см.: Скрягин 1994: 36–37). В соответствии со средневековой терминологией цвет меха мешочка можно считать «чернокарим» (см.: СлРЯ XI–XVII вв. 1980: 67). В настоящее время предмет хранится в фондах Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Мешочек при размыивании не открывался, и его вероятное содержимое неизвестно.

Бобровые шкуры, вместе со шкурами других экзотических животных, в археологических материалах известны также в Швеции (Råhlander 2017: 249–251).

Исследовательские трактовки

Собранные материалы — находки костей, остатков меха и кожи бобров на разновременных археологических памятниках, а также многочисленные упоминания в средневековых документах и более поздних научных описаниях — приводят нас к определенному взгляду на использование человеком бобра в разные эпохи.

Письменные данные о торговле в Древней Руси и Московском государстве предполагают устойчивое торговое значение ценного бобрового меха, особенно во внешней торговле русских купцов. Именно это значение бобра как источника товарного меха в сфере средневековой международной торговли доминирует в работах историков, что, по нашему мнению, неоправданно сужает значение и место бобра в средневековой культуре. Более того, значение меха бобра в европейской торговле явно преувеличено, если вспомнить незначительные количества поставляемых на рынки мехов.

Ситуацию с бобрами в Западной Европе уже к началу средневековья приоткрывает статья Джеймса Сприггса, посвященная бобрам Британии (Spriggs 1998:

91–101). В большинстве земель острова поголовье бобров к этому времени было почти полностью уничтожено, чему способствовали ценность меха и повсеместно высокая плотность населения. Внезапно возникший на острове интерес к бобрам в новое время объясняется веяниями моды XVI–XVIII вв. и появлением на рынках бобровых мехов из России и Канады. Историк писал, что многие виды животных на острове после отступления ледника к эпохе римского владычества были уже истреблены или находились на грани исчезновения. Для римской эпохи нет археологических данных существования бобров, хотя на ряде поселений раннего средневековья кости бобра найдены. Спритгс приводит законодательные свидетельства сильной регламентации их отлова и продажи: это уэльские законы (около 940 г. н. э.) и перечни экспортных товаров Шотландии времени правления королей Давида (1124–1153) и Роберта Брюса (1306–1329). Подобные ограничения известны и в странах материковой Западной Европы.

Выводы

Собранные материалы по всем группам источников позволяют сделать выводы о месте бобра в материальной и духовной культуре средневековой Руси, отличающиеся от мнения историков, которые подчеркивали исчезновение бобров на большей части Восточной Европы уже в древнерусский период. Они отмечали давнее значение охоты на бобров, мех которых высоко ценился. Некоторая часть бобровых угодий принадлежала непосредственно великому князю (царю). Но к концу XV в. часть этих угодий — бобровые гоны и бортные леса — «испромышлялись» (Базилевич 1952: 25).

В работах С. В. Бахрушина о княжеском хозяйстве приводятся отзывы иностранцев о России XVII в., когда страна еще представляла в совокупности большой зверинец. Под Москвой реки Клязьма, Воря и другие кишмя кишели бобрами. В XV и XVI вв. на большинстве небольших рек средней России можно было найти целые поселки бобров, «бобровые гоны», как тогда называли места бобровой охоты, огражденные сделанной самими бобрами плотиной — «бобровой перекопью». На бобров производилась активная охота и систематическое их истребление, что привело очень скоро к полному их исчезновению. А специальные княжеские бобровники составляли тогда целые семьи и даже поселки (Бахрушин 1954: 25–27).

С учетом мнения известных ученых, видимо, не должно оставаться сомнений в постепенном, но практически полном исчезновении бобра в Европейской России к XVII в. и переносе основных промысловых мест в Западную и Восточную Сибирь. Тем не менее работы краеведов конца XIX — начала XX в. отмечают места активного разведения и промысла бобров в Центральной России. Например, бобра называли «любимым животным» охотников того времени в Смоленской области, где в реках периодически встречали большие группы животных (Добровольский 1916: 57 и сл.).

Мы присоединяемся к правомерным взглядам и заключениям археолога М. В. Фехнер и зоолога В. Н. Скалона, что на разных территориях население издавна принимало меры к сохранению популяции бобров (Фехнер 1989: 72; Скалон 1951: 105–106). И в Древней Руси такая практика имела давнюю традицию. Это видно из регламентации отлова только этого животного, отраженной в статье № 69 Пространной редакции «Русской Правде»: «69. Аже украдет кто бобр, то 12 гривен» (Российское законодательство... Т. 1. 1984: 69, 107–108). Такой штраф равенценен тому, что полагался за убийство холопа. Из этого можно предположить, что

разведение и отлов бобров были исключительно прерогативой князей. Ограничения по ловле бобров, отраженные в средневековых законах Уэльса и Шотландии, позволяют считать подобную законодательную практику общей для Европы.

А. Л. Хорошкевич писала, что в экспорте пушнины из Новгорода в XIV–XV вв. бобровые меха составляли только незначительную часть. Это ей кажется удивительным на фоне того, что русские источники уделяют много внимания вопросам владения бобровыми гонами и что в крупных феодальных хозяйствах существовали бобровники, а мех бобра издавна шел в быт феодалов. Но в новгородском экспорте он встречался довольно редко и, как и другие дорогие меха, считался на штуки. Это единственный сорт пушнины, для которого всегда точно указывалась часть шкурки (Хорошкевич 1963: 93).

Согласимся с Н. Д. Аристовым, что «собирая дань шкурками пушных зверей и имея свои места для охоты, князья давали в подарок меха собольи, бобровые, куны, горностаевые, волчьи, песцовые». Верхняя одежда княгинь могла быть пошита полностью из бобровых мехов или иметь бобровую обшивку по краю рукавов, подолу и вороту. Это отражает причитание Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «полечу зегзицею по Дунаеви, омочу бебрянь рукавъ въ Каяле реце» (Аристов 1866: 145–147).

В XIII–XV вв., судя по письменным и археологическим материалам, бобры водились и были объектом охоты в Бежецком, Белозерском, Владимирском, Волоцком, Кашинском, Ржевском, Дмитриевском, Коломенском, Малоярославецком, Московском, Нижегородском, Переяславском, Ростовском, Рузском, Рязанском, Суздальском, Тверском, Угличском и Ярославском уездах, в Новгородской земле и Пермском крае (Горский 1969: 120, 126–128). Но вся регламентация по бобрам находилась исключительно в руках князей, наделявших отдельных людей и монастыри правами на бобровые гоны. Самая ранняя сохранившаяся грамота такого рода, датированная 1393 г., дана нижегородским великим князем Борисом Константиновичем Спасскому и Благовещенскому монастырям на р. Сура.

Таким образом, надо полагать, что уже в неолите и бронзовом веке население разных регионов Европы не только охотилось на бобра, но и пыталось ограничивать масштабы этой охоты. Это было связано с широким почитанием бобра в народных представлениях (семейная обрядность, медицина, апотропеи). Соблюдение правил охоты на бобра, а также сохранение поголовья и мест обитания животных относились к прерогативам верховной власти. Эта традиция документально зафиксирована в средневековой Европе. В отличие от Западной Европы на территории Руси, а шире — всей Восточной Европы, благодаря ограничению отлова бобры сохранялись практически во всех регионах своего природного обитания. Исключительное право на отлов бобров давали только верховные правители (князья), и они же устанавливали правила разведения и отлова бобров на своих собственных землях, чем занимались особые «бобровники». Такое положение сохранялось до XVIII в. Право носить одежду с мехом бобра имели только великие князья и высшие сановники. При этом в одежде бобровые меха использовались ограниченно — только на воротники, шапки, оторочку краев одежды³.

³ Подобное понимание места бобра в материальной культуре средневековой Руси сегодня высказывают некоторые археологи и палеозоологи (Лобанова и др. 2018: 415).

Литература

- Аристов 1866 — *Аристов Н. Д.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. 323 с.
- Арциховский 1939 — *Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород: Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, 1939. Вып. 6. С. 3–15.
- Арциховский, Янин 1978 — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте по раскопкам 1962–1976 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.
- Атрибуция... 1999 — Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика. Справочник / Дубов И. В. (ред.). СПб.: Лань, 1999. 348 с.
- Базилевич 1952 — *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 544 с.
- Бахрушин 1954 — *Бахрушин С. В.* Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 13–45.
- Богаткина 1995 — *Богаткина О. Г.* Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // *Иванова М. Г.* (ред.). Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.: Сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1995. С. 141–158.
- Воронин 1941 — *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // *Артамонов М. И.* (ред.). Этногенез восточных славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 149–190 (МИА. № 6).
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1950. 219 с.
- Горский 1969 — *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // *Арциховский А. В.* (ред.). Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 34–155.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Бобр // *Толстой Н. И.* (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 199–200.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Добровольский 1916 — *Добровольский В.* Бобр в Смоленской земле по летописным, археологическим и современным данным // Смоленская старина. Смоленск: Издание Смоленской ученой архивной комиссии, 1916. Вып. 3, ч. 2. С. 57–62.
- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (Историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов 1984 — *Дубов И. В.* Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // *Рыбаков Б. А.* (ред.). Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 95–99.
- Заходер 1967 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Зверуго 1975 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 143 с.
- Зиновьев, Кораблёв 2014 — *Зиновьев А. В., Кораблёв Н. П.* Череп бобра (*castor fiber l.*) из средневековых слоев Новгорода Великого: сравнительная краниометрия // ННЗИА. 2014. Вып. 28. С. 302–304.

- Зубкова 2017 — *Зубкова Е. С.* Изделия из кожи // Родионова М. А. (отв. ред.-сост.). Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 163–169.
- Изюмова 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 192–222 (МИА. № 65).
- Иностранцы... 1991 — Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв. / Сухман М. М. (сост.). М.: Столица, 1991. 428 с.
- Казанский 2010 — *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17–127.
- Кёппен 1902 — *Кёппен Ф. П.* О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Июнь. Ч. 341. С. 330–368; Июль. Ч. 342. С. 101–153; Август. Ч. 342. С. 241–286.
- Колпаков 2019 — *Колпаков Е. М.* Петроглифы Кольского полуострова и Северной Фенноскандии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 56 с.
- Косинцев 2006 — *Косинцев П. А.* Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во Уральского ГУ, 2006. 272 с.
- Кочин 1937 — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.
- Крыласова 2012 — *Крыласова Н. Б.* Поясные сумки X–XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008–2009 гг.) // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: Изд-во Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2012. Вып. 8. С. 236–241.
- Кудряшов 2006 — *Кудряшов А. В.* Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Изд-во Череповецкого ГУ, 2006. 198 с.
- Курбатов 2003 — *Курбатов А. В.* Коллекция кожи из раскопок г. Торжка в 1994 г. (Климентовский-1 раскоп) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 148–158.
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
- Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопов 3–5 на Земляном городище Старой Ладogi // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2015. Вып. 5. С. 48–100.
- Курц 1915 — *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. Чоколова, 1915. 606 с.
- Ларин 1959 — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 350 с.
- Леонтьев 1986 — *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9.
- Лобанова и др. 2018 — *Лобанова Т. В., Кардаш О. В., Косинцев П. А.* Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Лапшин В. А. (ред.). Археология севера России: «Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (свод источников и исследований). Ч. I. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд. группа Института археологии Севера, 2018. С. 407–435.
- Лысенко 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.

- Макаров и др. 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Угулава Н. Д. Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 7. С. 7–18.
- Матехина 2008 — Матехина Т. С. Археологические находки из «необычной» кожи // ННЗИА. 2008. Вып. 22. С. 184–203.
- Никитина 2013 — Никитина Т. Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 151–161.
- Освоение Севера... 2017 — Освоение Севера. Тысяча лет успеха. Великий Новгород. Путь на Север: истоки: Каталог выставки. М.: Арт Волхонка, 2017. 176 с.
- Путешествие... 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация Монгайта А. Л., Большакова О. В. М.: Наука, 1971. 135 с.
- Российское законодательство... Т. 1. 1984 — Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Чистяков О. И. (ред.). М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
- Рябинин 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Скалон 1951 — Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. 207 с.
- Скрягин 1994 — Скрягин Л. Н. Морские узлы. 3-е изд. М.: Транспорт, 1994. 128 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1980 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.
- СПЛ XV–XVII вв. 2003 — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. 1. 253 с.
- Торговая книга 1851 — Торговая книга // Записки Общества русской и славянской археологии. СПб., 1851. Т. 1, раздел III. С. 106–139.
- Тянина 2011 — Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // АВ. 2011. Вып. 17. С. 159–168.
- Фехнер 1989 — Фехнер М. В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3. С. 71–78.
- Халидов 2001 — Халидов А. Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX–XIII вв. // Хузин Ф. Ш. (ред.). Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 189–193.
- Хорошкевич 1963 — Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 365 с.
- Щеглова 1969 — Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Будько В. Д. (ред.). Древности Белоруссии. Минск: Изд-во АН Белорусской ССР, 1969. С. 406–426.
- Щипанов 2005 — Щипанов Н. А. Бобры // БРЭ. М.: Изд-во БРЭ, 2005. Т. 3. С. 629.
- Янин, Зализняк 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.
- Янин, Зализняк 2000 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. Т. 10. 432 с.

- Янин и др. 2004 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11. 288 с.
- Råhlander 2017 — Råhlander M. Korta meddelanden. The Långön pouch is not made from lizard skin // Fornvännen. 2017. 112. P. 249–251.
- Spriggs 1998 — Spriggs J. A. The British Beaver — Fur, Fact and Fantasy // Cameron E. (ed.). Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology. London: Archetype Publications, 1998. P. 91–101.

BIORESOURCES IN ANCIENT TIMES: ON THE PLACE OF THE BEAVER IN OLD RUSSIAN MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

A. V. KURBATOV

Keywords: *Rus, bones, beaver fur and pelts, amulets.*

The author considers written and archaeological evidence on beaver fur and pelts in Rus. The analysis of this evidence makes it possible to resolve some differences and contradictions in conclusions of historians, who wrote that the beaver disappeared in most of East Europe as early as the Old Russian period. The findings of this paper concur with the conclusions reached by the archaeologist M. V. Fekhner and zoologist V. N. Skalon that, since ancient times, people in different regions of Russia took measures to protect local populations of beavers.